

ՎԱՐԶԻ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԵՐԱՏԱՐԱԴԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆ ՌԻՍԻՆՆԱՍԻՐՈՂ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՈՒԹՅՈՒՆ
ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Վ Ա Ր Դ Յ Կ

№ 1
ՀՈՒՆՎԱՐ - ՀՈՒՆԻՍ
ЯНВАРЬ - ИЮНЬ
2010

«ՎԱՐԶԻ»
Կիսամյա հանդեսի
անդրանիկ համարն
ամբողջաթես նվիրվում է
«Հայկական
ճարտարապետությունն
ուսումնասիրող» (ՀՃՈՒ)
կազմակերպության
հիմնադիր-նախագահ,
ճարտարապետության
դոկտոր
Արմեն Հախնազարյանի
անմար հիշատակին

Первый номер
выходящего два раза в
год журнала "Вардзк"
полностью посвящен
бессмертной памяти
доктора архитектуры
Армена Ахназаряна,
основателя и
директора
"Общественной
Организации по
Изучению Армянской
Архитектуры" (ООИАА)

ДВЕРЬ МОНАСТЫРЯ МШО СУРБ КАРАПЕТ (1312 Г.)

Խմբագրության կողմից

Շուրջ քառասնամյա գործունեության ընթացքում Հայկական ճարտարապետությունն ուսումնասիրող կազմակերպությունը (ՀՃՈՒ հ/կ, RAA) հավաքագրել, ամբարել է Հայրենիքի պատմությանն ու մշակութային արժեքներին վերաբերող մեծաքանակ և բազմաբնույթ տվյալներ, նյութեր:

Հակառակ 1997 թ.-ից ի վեր լույս ընծայվող «ՀՃՈՒ. գիտական ուսումնասիրություններ» շարքի գոյության` ցարդ կազմակերպությունը չի ունեցել հատկապես հողվածային ծավալով մշակված նյութերը գիտական շրջանակներին ներկայացնելու հնարավորություն:

Դեռևս 1990-ական թթ. կեսերին կազմակերպության հիմնադիր-նախագահ դր. Արմեն Հախնազարյանի հետ արժարժված խնդիրն ինչ-ինչ դժվարությունների պատճառով հնարավոր չի եղել կյանքի կոչել:

Հանդեսի լույս ընծայումով սկսում ենք իրագործել մեր վաղեմի ծրագրերից մեկը: Մշակութաբանական և հատկապես նյութական մշակույթի հուշարձանների ուսումնասիրություններին նվիրված կիսամյա սույն հանդեսին խորհրդանշորեն տրվում է «Վարձք» անունը` ի նշան նախնյաց հիշատակները վառ պահելու գաղափարի առջև սերունդներին ունեցած պարտքի և դրանք քայլ առ քայլ մատուցելու առաքելության գիտակցման:

Մահվան տարելիցի կապակցությամբ «Վարձք» կիսամյա հանդեսի անդրանիկ համարն ամբողջապես նվիրվում է դր. Արմեն Հախնազարյանի անմար հիշատակին:

От редакции

За свою почти 40-летнюю деятельность Общественная Организация по Изучению Армянской Архитектуры (ООИАА) собрала и создала архив данных и материалов о многочисленных и разнообразных исторических и культурных ценностях Родины.

С 1997 г. выходит в свет серия под названием "Научные исследования ООИАА". Но до сих пор организация не имела возможности представить научным кругам свои материалы в виде статей.

Еще в середине 1990-ых гг. этот вопрос обсуждался с основателем и председателем организации Арменом Ахназаряном, но, ввиду некоторых проблем, он остался нерешенным.

Выход в свет журнала ознаменовал осуществление одного из наших давнишних планов. Журнал выходит два раза в год и посвящен изучению вопросов культурологии и, в особенности, памятников материальной культуры, и носит символическое название "Вардзк" ("Долг души")—в знак того, что поколения армян должны свято сохранять завещанное нашими предками наследие, осознавая, что нужно шаг за шагом преподносить его более широким кругам.

В связи с годовщиной смерти первый номер журнала "Вардзк" полностью посвящен бессмертной памяти Армена Ахназаряна.

ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ С СОЗНАНИЕМ ДОЛГА ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ ПРЕДКОВ

История создавших свою культуру народов свидетельствует о том, что Родина—это та святыня-сокровищница памяти о предках, которая является основой существования нации. Ради нее жили рожденные на ее земле и возвращенные ею народы, которые придавали смысл своему существованию, создавая содержательные культурные ценности для сохранения и благосостояния отчизны.

После осуществленного в 1894-1923 гг. геноцида армян, большая часть Родины была аннексирована Турцией и созданным при ее содействии Азербайджаном. Под давлением создавшейся ситуации, выжившая часть армянского народа фактически лишилась счастливого долга не только сохранения и изучения оставшихся от предков культурных ценностей на священной земле, но и совершенно естественной возможности обогащения родины новыми ценностями.

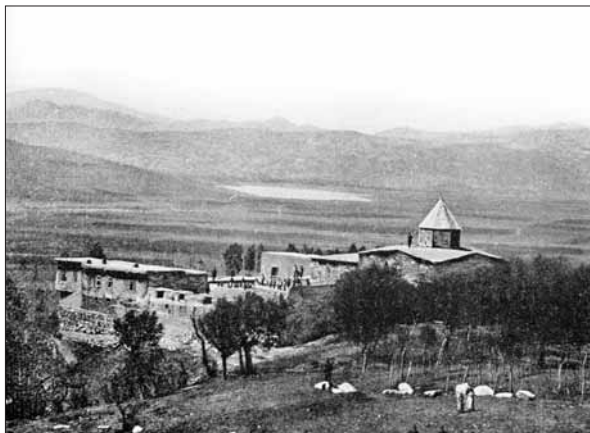
После 1920-ого г. границы армянского государства были образованы в пределах менее 1/12 части от его исторической родины (Великая и Малая Армения). Вследствие этого, неисчислимое количество памятников материальной культуры, созданных коренным населением и оставшихся в наследие, в обширном крае невольно осталось без хозяина и осиротело.

Вслед за геноцидом последовала государственная политика заселения многочисленных армянских гаваров (округов) турками и другими мусульманскими народами с Балкан, Междуречья и других дальних мест. Эта программа напрямую сталкивалась с проблемой наличия повсюду материальных культурных ценностей, которые свидетельствовали о присутствии уничтоженного коренного населения.

И вот здесь кемалийская Турция продолжила дело младотурков, принимая и осуществляя новый геноцид. Это была программа уничтожения памяти перенесшего геноцид народа об оставшемся культурном наследии.

Начиная с 1920-ого г., а в 1940-1960-ых гг. еще более систематизированно и повсеместно, турецкие власти применяют государственную программу по уничтожению армянских памятников культуры на всей территории Западной Армении. Первоочередными для уничтожения оказываются наиболее подчеркивающие национальную принадлежность культовые (монастыри, церкви, часовни) и надгробные памятники (кладбища, хачкары, надгробия). Тогда как, к примеру, крепости и мосты, родники, жилые и общественные постройки, а также другие светские строения в большинстве случаев сохранены, но уничтожаются их эпиграфические надписи на армянском, имеющие различное содержание. Следуя этой программе вандализма, до конца 1960-ых годов посредством взрывов были уничтожены многочисленные средневековые духовно-культурные центры христианства, школы-скриптории.

Собор Сурб Ерродутюн (Св. Троицы) в Текоре (V в.), трехнефный купольный собор Сурб Ованнес (Св. Иоанна Крестителя) в Багреванде (631 г.), однонефная базилика (V в.) и центрально-купольная церковь (VII в.) в Аграке, являющиеся резиденциями католикосов главные церкви в Аламане (VI-VII вв.), Аргине и Ширакаване (IX-X вв.), монастырский комплекс Хцконка (VII-XIII вв.), церкви Сурб Геворг (Св. Георгия) на острове Лим, Сурб Саак в селе Эерин, Кркку в селе Цвстан, Сурб Аствацацин (Пресв. Богородицы) в Курупаше, Нарек,

ТЕКОР (ныне—Дигор). Церковь Сурб Ерродутюн (Св. Троицы) (V в.), вид в 1900-ых гг. и в 1976 г. (фот. Дж. Болла)

БАГАВАН (ныне—Ташевлек). Церковь Сурб Ованнес (Св. Иоанна Крестителя), 631 г., вид в 1911 г. и 2008 г.

ШУШАНЦ (ныне—Кевенлик). Монастырь Кармравор Сурб Аствацацин (Пресв. Богородицы), XV в., вид с юго-востока в начале 1910-ых гг. и 2006 г.

Чараан и Спитак ("Белая") в Гяваше (Геваше), Кармравор Сурб Аствацацин (Пресв. Богородицы) в селе Шушанц, Салнапат в селе Кохбанц, Сурб Карапет (Св. Иоанна Предтечи) в Муше, Сурб Ованнес, Сурб Аракелоц (Св. Апостолов) в селе Егрдут, Мецопаванк в селе Арутюн, Кармир ("Красная") в селе Хиндзк, Мутурку и многие другие монастыри и церкви, бывшие до 1915 г. без исключения оживленными культурными центрами, а в вышеуказанный период времени были разрушены до основания. Такой же и еще более жестокой участи удосто-

КОХБАНЦ (ныне—Сармач). Монастырь Сурб Григор (Св. Григория) в Салнапате, IX-XIV вв., вид в 1900-ых гг. (фот. арх. В. Бахмана) и 2007 г.

ОРОМОС. Монастырский комплекс, IX-XIII вв., вид с северо-востока в 1900-ых гг. и 2008 г.

АРАК (ныне—Кяпанак). Монастырь Сурб Аракелоц (Св. Апостолов) в Муше, V- XV вв., вид с запада в начале 1910-ых гг. и 1972 г. (фот. др. Армена Ахназаряна)

ились несколько тысяч армянских кладбищ, которые были разрушены и осквернены кладоискателями. Сегодня можно сосчитать на пальцах число кладбищ, сохранившихся в таком состоянии.

Примечательно, что повсеместное уничтожение армянских архитектурных и мемориальных памятников с применением военной силы годами осуществлялось в условиях строжайшего запрета туристам посещать "западные провинции" Турции, поэтому, когда в конце 1960-ых гг. после полувекового перерыва и в условиях строгого контроля За-

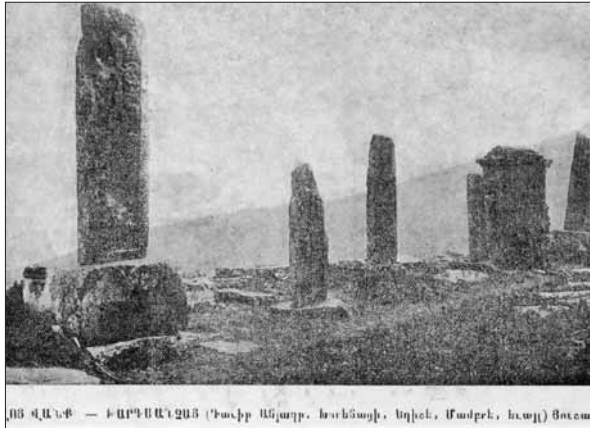
НАРЕК (ныне—Емишлик). Нарекаванк, V-XIII вв., вид в 1900-ых гг. и 2005 г.

АРАБКИР. Собор Сурб Аствацацин (Пресв. Богородицы), вид в 1910 г. и 2008 г.

АРАК (ныне—Кяпанак). Монастырь Сурб Аракеоц (Св. Апостолов) в Муше, V- XV вв., вид с востока в начале 1910-ых гг. и 2007 г.

падную Армению начали посещать европейские специалисты в области культуры, многие архитектурные и исторические ценности давно были непригодны для научных исследований и туризма.

Проведенные в 1970-1980-ых гг. в Западной Армении исследования свидетельствуют о том, что уничтожение армянских памятников культуры все еще продолжалось, хотя и не с таким размахом, как в 1940-1960-ых гг., с той разницей, что разрушающей силой являлось не правительство и военные, а охваченное жаждой наживы турецкое и

ՍՐԲ ԱՐԱԿԵԼՈՍ — ԲՈՐՊՈՒՆՉՈՅ (Գառիբ Անյաղը, Խոհեմաթի, Աղիւժե, Մառթե, Կապ) Յուճում

АРАК (ныне—Кяпанак). Кладбище монастыря Сурб Аракеоц (Св. Апостолов) в Муше в начале 1910-ых гг. и 2007 г.

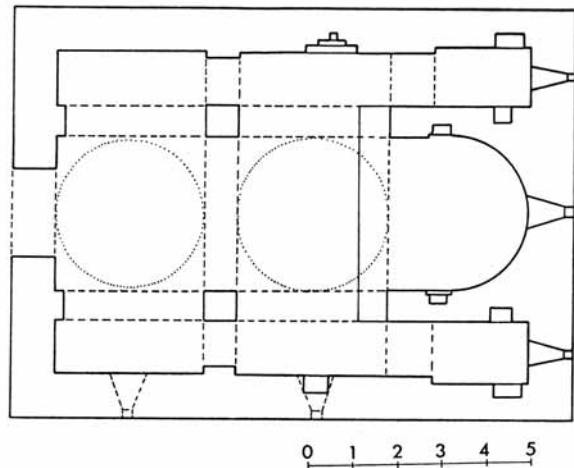
АРАК (ныне—Кяпанак). Монастырь Сурб Аракеоц (Св. Апостолов) в Муше, V-XV вв., вид с востока в начале 1910-ых гг. и 2007 г.
ОРОМОС. Монастырский комплекс, IX-XIII вв., вид с юго-востока в 1900-ых гг. и 2008 г.

курдское население, поощряемое государством и остававшееся безнаказанным, занимающееся поисками "зарытых сокровищ" после 1915 г.

Тенденция ежедневного уменьшения количества армянских памятников в Западной Армении делает значимыми и бесценными результаты работ в данной сфере в 1960-1980-ых гг., так как в наши дни большая часть этих памятников, задокументированных в указанный период, уже не существует.

СЕЛО КЧАВ (ГАВАР МОКС). Вид Кчававанка (XVI-XVIII вв.) с юго-запада, запада и вид интерьера на восток (фот. др. Армена Ахназаряна, 1974 г.. Кстати, до того, как монастырь был разрушен до основания в 1980-ых гг., кроме А. Ахназаряна никому не удалось посетить Кчававанк, следовательно, за уникальные фотографии монастыря в состоянии сохранности мы признательны ему)

СЕЛО КЧАВ (ГАВАР МОКС). Строительная надпись Кчававанка 1703 г., зафиксированная только др. Арменом Ахназаряном (1974 г.) и ныне утерянная. Обмер церкви Кчававанка (автор др. Армен Ахназарян)
 КЧАВАВАНК. Вид с юго-запада (фот. др. Армена Ахназаряна, 1974 г.) и 2008 г. (фот. Самвела Карапетяна)

В числе заслуженных исследователей, которые хотя бы на бумаге спасли памятники материальной культуры Родины армян, мы обязаны помнить имя француза по национальности и врача по образованию Жана-Мишеля Тьерри, преодолевшего множество искусственных преград и, начиная еще с середины 1950-ых гг., сумевшего попасть в Западную Армению и в течение десятилетий, благодаря неустанной работе, сфотографировавшего и обмерившего множество армянских памятников, которые в наши дни уничтожены или уже основательно, или большей частью.

Изучению отдельных памятников посвятили свои труды архитекторы Паоло Кунео, Томмазо Бречиа Фратадоки, Ованнес Марзпанян и другие.

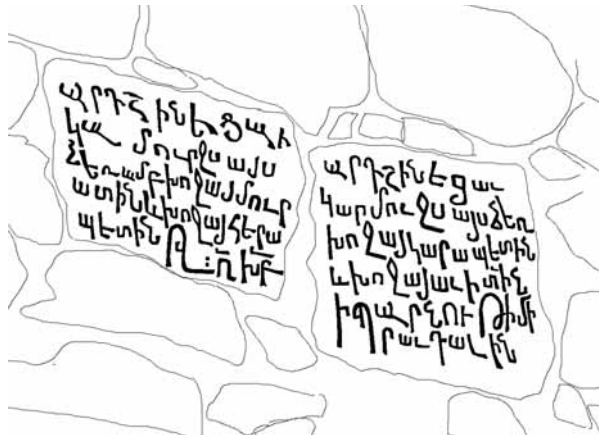
Но если многие из специалистов ставили себе задачу во время одного или нескольких путешествий ознакомиться с рядом наиболее известных памятников, то во второй половине XX в. только два человека—французский доктор Жан-Мишель Тьерри и доктор архитектуры Армен Ахназарян, презирая искусственные преграды и опасности, чинимые турецким правительством, в пределах своих возможностей, а иног-

БЕРКРИ. Монастырь Аргелана, XIII-XV вв., вид с северо-востока и запада до обвала в 1976 г. (фот. др. Армена Ахназаряна, 1974 г.) и 2006 г. (фот. С. Карапетяна)

да и более, смогли организовать следующие друг за другом научные экспедиции и продвинуть работы по более систематизированному плану. В результате, до полной потери для мировой цивилизации армянских памятников, почти во многих населенных пунктах и исторических местах Западной Армении очень часто впервые были зафиксированы и изучены сотни памятников архитектуры, созданы уникальные архивы.

В отличие от старшего коллеги-француза, результатом последовательных экспедиций которого были публикации научных исследований, Армен Ахназарян, исходя из личного опыта, одновременно был вынужден, будучи армянином, воздержаться от издательской деятель-

СЕЛО ДОЛАБАШ (гавар Маназкерта). Дарственные надписи XIV-XVIII вв. на находящейся близ села скале (фот. др. Г. Брукгауза, 1975 г., организатор научной экспедиции и спонсор др. Армен Ахназарян) и 2007 г. (фот. С. Карапетяна)

МОНАСТЫРЬ ГОМОЦ СУРЬ ГЕВОРГ (Св. Георгия), XIV-XV вв., вид с юго-востока (фот. др. Армена Ахназаряна, 1978 г.) и 2006 г. (фот. С. Карапетяна)

МОСТ КАРМИР ("Красный") (Гавар Мокс, село Норованн). Строительная надпись 1595 г., сфотографированная только др. Арменом Ахназаряном (уничтожена во время ремонта моста)

ности, чтобы беспрепятственно продолжать свою работу. Его стратегия не изменилась даже тогда, когда он был объявлен "персоной нон гра-та" в Турции, и вынужден был организовывать и осуществлять научные экспедиции без своего участия. По этой причине авторами важной части собрания его фотографий стали представители других национальностей или просто способные и доверенные личности, все расходы которых годами Ахназарян оплачивал исключительно из личных средств.

БИОГРАФИЯ ДОКТОРА АРМЕНА АХНАЗАРЯНА

Армен Ахназарян, пронизанный безграничной любовью к Родине и чувствовавший долг перед своим народом, стал предтечей и опорой той миссии, благодаря которой тысячелетиями незыблемо стоял храм национальной самобытности.

Родился 5 мая 1941 г. в семье Ованнеса Ахназаряна—родом из Агулиса и единственного оставшегося в живых из многочисленного рода, выдворенного из Родины вследствие геноцида. В 1959 г. закончил школу Кушеш-Давтян в Тегеране. Его отец был инспектором в армянских школах Тегерана, долгие годы он писал книгу мемуаров "Гохтан гавар". Однажды, будучи совершенно здоровым человеком, положил ручку на стол и промолвил: "Закончил", - и на следующий день скончался.

Из немногочисленных сведений, переданных нам сыном об отце—Ованнесе Ахназаряне, обычно молчаливом человеке, в ушах которого

Старый и новый корпуса школы Кушеш-Давтян в Тегеране (фот. 2009 г.)

Армен Ахназарян в годы учебы в школе Кушеш-Давтян (1956 г.)

всю жизнь звучали последние крики о помощи раненого брата, скрывавшегося в ущельях Агулиса, пожалуй, примечательным является следующий эпизод.

Однажды Ованнес пригласил к себе домой своих коллег-учителей, каждый из которых стал хвалить своего ребенка: мол, сын учится на "отлично", другой—дочь прекрасно играет на пианино, третий—расхваливает своего ребенка. Находящийся далеко от стола Армен краем уха следил за разговором, с замиранием сердца ожидая от отца похвальных слов о себе, хотя бы о том, как он ловко взбирается на дерево, но услышал: "У моего Армика хорошие друзья".

Раздосадованный тогда Армен лишь спустя годы оценил всю глубину отцовских слов, которые, по сути, означали больше, чем простая похвала других.

Интерес к армянской архитектуре Армен Ахназарян проявил еще в годы учебы в университете немецкого города Аахен, где он изучал градостроительство. Верный своему призванию, Армен Ахназарян в 1969

Армен Ахназарян в Аахене вместе с однокурсниками (1960-ые годы)

г. защитил докторскую диссертацию, в которой суммировал свое детальное изучение монастыря Сурб Тадеос Аракял (Св. Апостола Фаддея) в гаваре Артаз Исторической Армении.

Кстати, история приобретения права на изучение находящегося в зоне строгого контроля монастыря тоже примечательна. Этот характерный эпизод дает нам представление о преданности исследователя, вступившего на порог большого жизненного пути. Получившие за границей университетское образование и вернувшиеся в Тегеран выпускники встретились с королем Ирана, который дал будущим специалистам возможность обратиться с единственной просьбой к королю. Как правило, все обращались с просьбой об устройстве на работу. Когда очередь дошла до Армена, он попросил у короля только одно: разрешить ему провести продолжительные исследовательские работы в монастыре Сурб Тадеос Аракял, находящемся на территории военной зоны Маку. Король любезно удовлетворил необычную просьбу, совершенно отличную от других одинаковых просьб.

В 1968 г., получив разрешение, Ахназарян отправился в монастырь и около полугода делал его детальные обмеры. Впоследствии эти материалы стали основой для докторской диссертации.

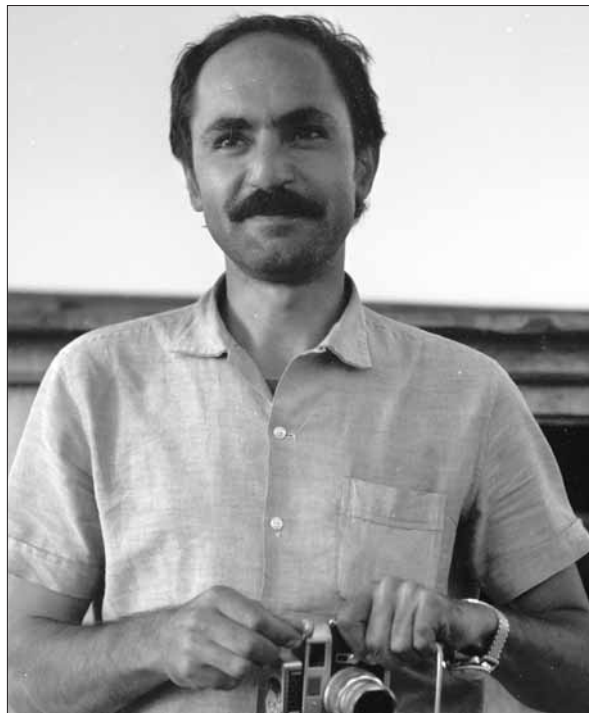
Прослышав о многочисленных случаях умышленного уничтожения беспризорных армянских архитектурных памятников, Ахназарян в 1970 г. впервые совершил путешествие в богатую памятью о предках Западную Армению и, посетив всего лишь несколько известных древних памятников, вернулся обратно домой ошеломленный, в самом широком смысле этого слова.

С одной стороны, огромное количество нуждающихся в изучении памятников, с другой—отсутствие материальных возможностей для начала работ, поставили Ахназаряна в безвыходное положение. Выход из ситуации нашла его жена—немка по национальности, архитектор по образованию Маргрит Ахназарян, полностью разделявшая страхи и тревоги мужа. Она предложила ему продать свое обручальное кольцо, тем самым обеспечив нужную сумму для следующего путешествия. Так и сделали. Но из второго путешествия Ахназарян вернулся еще более озабоченным и окончательно "заболевшим" неизлечимой идеей исследования памятников Западной Армении.

Вскоре, по счастливой случайности, Ахназарян познакомился с физиком из Нью-Йорка Вазгеном Барсегианом, родом из Мокса, и, благодаря материальной поддержке с его стороны, в 1970-ых гг. совершил 6 путешествий в Западную Армению, каждое из которых длилось около 2 месяцев.

При каждом путешествии, сопровождаемом многочисленными препятствиями, по большому счету, становился ясен тот огромный объем работ, который предстояло выполнить, и по окончании последнего, шестого путешествия, когда были сфотографированы и обмерены сотни исторических памятников, выявилась необходимость проведения новых, более многочисленных научных экспедиций.

Научные экспедиции, которые по определению Ахназаряна, по сути, являлись "охотой за хачкарами", проходили в трудных и опасных условиях. Постоянно находясь под пристальным вниманием сотрудников турецкой госбезопасности, они иногда срывались, и, кроме обычных арестов и допросов, заканчивались тюремным заключением. В конце концов, в Турции Ахназарян был объявлен "персоной нон грата", вследствие чего он лишился возможности лично участвовать в научных экспедициях, и

Армен Ахназарян в Васпуракане (1972 г.)

мог только заниматься предварительной организацией работ. Но даже таким образом турецкие власти были не в силах расстроить патриотические планы Ахназаряна или препятствовать их осуществлению.

Имея рядом столь же преданного армянской архитектуре соратника—жену Маргрит, Ахназарян около двух десятилетий продолжал организовывать одну за другой научные экспедиции в Западную Армению, Малую Армению и Киликию, отдавая святому делу все скромные семейные материальные средства.

С целью лучшей организации работ и приобретения возможного финансового содействия, Армен Ахназарян в 1978 г. придал официальный статус "Общественной Организации по Изучению Армянской Архитектуры" (ООИАА), которая, по сути, уже почти целое десятилетие неофициально существовала в Германии.

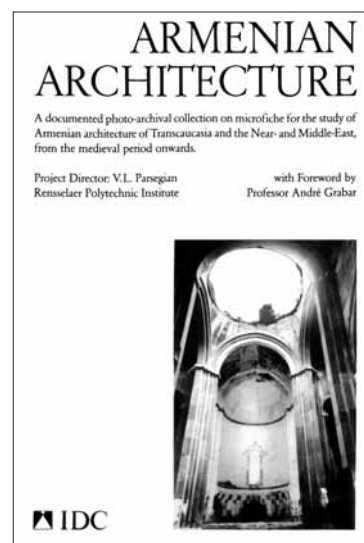
В 1983 г. Ахназарян впервые посетил Советскую Армению. По предварительной договоренности в эти же дни в Армении находился физик Вазген Барсегян, взявший на себя финансирование публикации богатых материалов об армянской архитектуре в виде микрофильмов. Собрания проходили во главе Григора Асратяна—начальника Главного управления по охране и использованию памятников истории и культуры при Совете Министров Армянской ССР. Было принято решение начать издание микрофильмов единственным в своем роде и наиболее современным научным печатным способом, включая в тома коллекции фотографий и обмеров не только ООИАА, но и Главного управления по охране и использованию памятников истории и культуры.

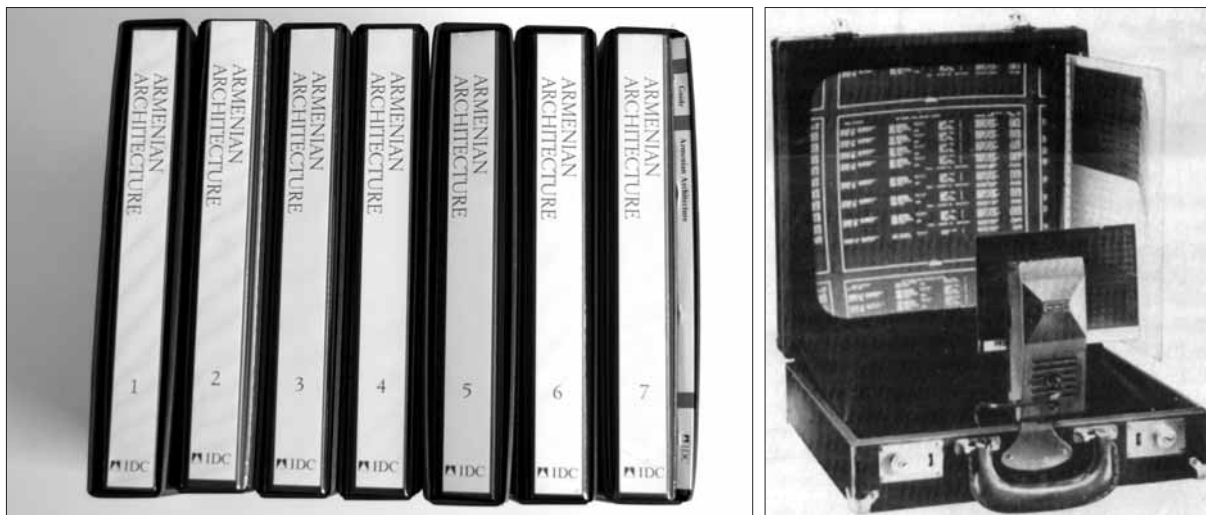
При содействии Вазгена Барсегяна каждый год периодически издавался один том. Последний, седьмой том из данной серии вышел в свет в 1990 г., и работа была прервана не только из-за того, что материальные средства были исчерпаны, но в результате революции в продвигающейся вперед изо дня в день науке, которая позволила сохранять изображения методом оцифровки и копирования.

Так или иначе, каждый из этих 7 томов под названием "Armenian Architecture", изданных в течение 1983-1989 гг, содержит 4000-5000 изображений, обмеров и текстов, где ответственным за внушительную часть материалов являлся Армен Ахназарян.

Армен Ахназарян и Арам Хачатурян (сер. 1970-ых гг.)

Изданные в 1983-1990 гг. при финансовой поддержке Вазгена Барсебяна в 7 томах микрофильмы, посвященные армянской архитектуре, и способ пользования пленками

Живущие в мире люди с одинаковыми интересами и целями рано или поздно находят друг друга. Начиная с 1989 г., после знакомства с Ахназаряном, было решено сотрудничать с ним.

Усилиями осведомленных о работе организации посредством Армена Ахназаряна и симпатизирующих ему нескольких иранских армян, в 1996 г. ООИАА под председательством господина Шагена Арутюняна была зарегистрирована также в США.

Что касается регистрации организации в Республике Армения, то давно назревшая проблема была решена в 1998 г. Таким образом организация через 30 лет официального существования была зарегистрирована и на Родине. Спустя два года, в соответствии новому закону страны, организация была перерегистрирована.

Длившиеся два года поиски места для офиса, благодаря доброй воле тогдашнего директора Института искусств НАН РА Левона Ахвердяна, также увенчались успехом. 22 февраля 2000 г. на одном из этажей, занимаемом Институту искусств, по адресу ул. Баграмяна 24в состоялось открытие офиса Общественной Организации по Изучению Армянской Архитектуры¹.

Основание офиса в Республике Армения открыло новые беспрецедентные горизонты для нашей деятельности. Начались работы по оцифровке накопившихся за десятилетия десятков тысяч негативов, позитивов, фотографий, обмеров, карт и сопутствующих разнообразных материалов. Приводятся в порядок накопившиеся за десятилетия разнообразные архивные материалы, классифицируясь по населенным пунктам и административно-территориальным единицам.

Чтобы расширяющиеся с каждым днем работы выполнялись на должном уровне, организация была обязана привлечь новых специалистов. Все вышеперечисленные работы стали возможны благодаря наличию материальных средств, вся трудность добывания которых большей частью продолжала лежать на плечах Армена Ахназаряна.

¹ Во время открытия офиса, подчеркнув важность события, со словами приветствия выступили директор Института искусств Левон Ахвердян, архиеп. Месроп Ашчян, Ашот Мелконян и другие. Событие освещалось прессой ("Аравот", 2000 г., № 33, 24 февраля, стр. 6.)

"Жена работает, содержит семью, а я—офис", - часто так отвечал Армен Ахназарян, когда его спрашивали об источнике материальных средств. И никому он не говорил, что расстался с тремя полотнами Айвазовского или продал находящийся в Тегеране пустующий отцовский дом и направил средства на благо деятельности офиса.

Офис для Армена был второй семьей, а сотрудники—его детьми.

Он любил рассказывать, а мы—слушать, так как все, что произносили его уста, было познавательно: уравновешенные суждения, передаваемые нам тихим голосом прошедшего через горнило жизни и умудренного опытом глубокого интеллигента. Каждое мгновение мы учились у Ахназаряна, незаметно или явно, без конца обогащаясь его знаниями.

Он жалел, что не мог принимать участия в научных экспедициях, предпринимаемых в Западную Армению, но находил время для участия хотя бы в кратковременных походах.

Кроме многочисленных международных научных конференций, в 2007-2008 гг. он с исключительно интересными лекциями участвовал в еженедельных беседах, организованных нами с целью более глубокого изучения и познания Родины.

При деятельном участии Армена Ахназаряна в Республике Армения и в других местах был восстановлен ряд исторических памятников: в Иране—церкви Сурб Саркис в Ванаке и Сурб Геворг (Св. Георгия) в Тегеране, монастыри Сурб Тадеос Аракал (Св. Апостола Фаддея), Цорцор, Сурб Степанос Нахавка (Св. Стефана Первоученика) в Дарашамбе, в Арцахе—церковь Сурб Аствацацин (Пресв. Богородицы) в селе Каринтак, разные постройки в монастырском комплексе Дадиванка, в Сюнике—церкви в селах Татев и Давидбек, а также монастырь Сагмосаванк, однефная церковь монастыря Сурб Саркис в Уши и другие памятники.

На пути преодоления горы Ара с сотрудниками офиса (23.06.2006 г.)

Эпизод с лекции, посвященной архитектуре Нор Джуги (Новой Джуги) (29.05.2006 г.)

Посещение могил Саркиса Аветисяна из села Арен (гавар Арцке) и Ованнеса Ованнисяна из села Аручаграк (гавар Басен), переживших Геноцид и написавших мемуары об этом (24.04.2008 г.)

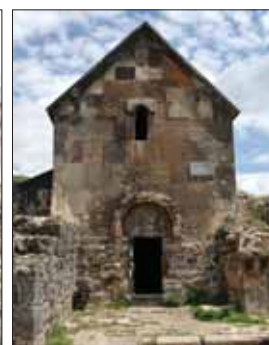
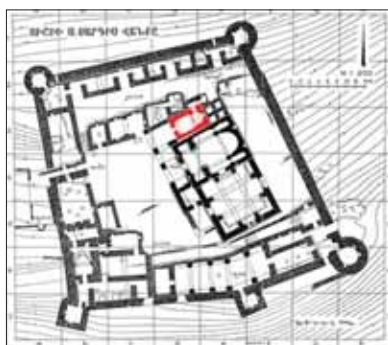
Отреставрированные при участии Армена Ахназаряна в 1982-1985 гг. церкви Сурб Саркис в квартале Ванак Тегерана и Андреорди на правом берегу реки Аракс

Отреставрированный при участии Армена Ахназаряна монастырь Магардаванк или Сурб Степанос Нахавка (Св. Стефана Первомученика), фот. 2009 г.

Отреставрированный при участии Армена Ахназаряна в 1988 г. дом Ашгарянов в Кесабе (Сирия), строительная надпись (фот. Раффи Кортошяна, 2007 г.)

Отреставрированная под руководством Армена Ахназаряна церковь Сурб Саркис (X-XIII вв.) одноименного монастыря в Уши (а. до реставрации, б. во время реставрации, в. после реставрации)

Армен Ахназарян вместе с коллегами в монастыре Сурб Аствацацин (Пресв. Богородицы) в Цорцоре, перенесенном из-за строительства водохранилища на более высокое и надежное место и вновь восстановленном

Монастырь Сагмосаванк, отреставрированный при участии Армена Ахназаряна в 2001 г.

Монастырь Сурб Тадеос Аракал (Св. Апостола Фаддея), с 1968 г. детально изученный Арменом Ахназаряном и позднее отреставрированный при его участии

Монастырь Ддиванк в 1993 г. (фот. С. Карапетяна) и 2008 г. (фот. арх. С. Айвазяна). Реставрационные работы под руководством Армена Ахназаряна начались с 1997 г.

10 июня 2008 г. организация была награждена почетной грамотой Национального собрания РА, а Армен Ахназарян—почетной медалью Национального собрания РА

Всегда вместе: супруги Ахназарян на работе.
Армен Ахназарян в офисе ООИАА (17 июня 2008 г.)

В 1996-1997 гг., сотрудничая с организацией "Еркир ев мшакуйт", он принял участие в восстановительных работах двух церквей и жилых зданий в районе Кесаб в Сирии.

10 июня 2008 г. по инициативе председателя Народного собрания господина Тиграна Торосяна за объемные исследования, проведенные на территории Исторической Армении, и за исключительные услуги в сохранении национальной самобытности, а также в связи с 30-летием основания в Германии и десятилетием регистрации в Республике Армения, организация была награждена почетной грамотой Национального собрания РА, а Армен Ахназарян—почетной медалью Национального собрания РА.

29 января 2009 г. по инициативе директора Национальной библиотеки Давида Саргсяна Армен Ахназарян был награжден орденом Акопа Мегапарта. Во время церемонии вручения были прочтены слова благодарности находящегося в тяжелом положении (по состоянию здоровья) Ахназаряна:

"Передаю мою глубокую благодарность дирекции Национальной библиотеки Армении в связи с присвоением мне ордена Акопа Мегапарта.

Подобно рукописям, хранящимся в средневековых монастырских скрипториях, вы собираете и храните печатные книги, без которых армянскую культуру, а в более широком контексте, самобытность армянского народа сохранить невозможно.

Оставшиеся в наследие от наших предков культурные ценности на территории находящейся в плену родины после Геноцида армян в 1915 г. осуждены на умышленное уничтожение.

Цель моей жизни и долг души членов ООИАА—спасти хотя бы на бумаге еще сохранившуюся на осиротевшей родине память о предках, хотя бы в виде обломков.

Благодарю, и да исполнятся Ваши благие намерения.

Армен Ахназарян".

В воскресенье, 15 февраля 2009 г. нам посчастливилось в последний раз услышать голос Армена Ахназаряна. Это были слова прощания и наказ: "Во всех наших делах всегда помните имя Вазгена Барсегиана, первого, кто подействовал нам. Вам оставляю все незавершенные дела..."

5 мая 2008 г. в офисе ООИАА сотрудники отмечают день рождения Армена Ахназаряна, не зная, что это в последний раз

1 марта 2009 г. в Доме камерной музыки имени Комитаса состоялся вечер памяти, посвященный Армену Ахназаряну

Армен Ахназарян скончался 19 февраля 2009 г. в городе Аахен в Германии.

1 марта 2009 г. в Доме камерной музыки состоялся вечер памяти, посвященный Армену Ахназаряну. Своими воспоминаниями поделились господа Тигран Торосян, Вардан Осканян, Рубен Галеджян, Асмик Азизян, а Эдик Баласанян прочел трогательное стихотворение Анаит Саргсян:

АРМЕНУ

Сегодня,
здесь,
в громогласной тишине мы—
я и он...

Он—апостол тысячи и одной церкви,
а я,
рядом с тысячью его друзей,
еще одна из них...

Одна,
скатившаяся с храма веры,
оставшаяся вне его ограды,
как потерянный камень...

Сегодня,
здесь,
он молчит.
Он—апостол тысячи и одной церкви,
А я, предав безмолвно эти слова бумаге
или вслух читая их,
и, быть может, молча слушающая их,
одним словом,
мы—скатившиеся с храма веры,
потерянные камни по ту и эту сторону
его ограды...

А он—апостол, ищущий и находящий,
обмеряющий камни веры,
луч восходящего солнца,
проникающий через узкое оконце
и падающий на алтарь веры,
а я, или ты, или, быть может, он,
то есть мы,
сегодня, здесь,
в громогласной тишине,
как письма Маштоца,

как ускользающие слова,
как капли слез...

По ту и эту
сторону ограды,
сегодня нас здесь
собрали воедино
и крест, и колокол,
и колокольный набат, и каменные
письмена,
и вера в серебряном потире,
а он ушел безвозвратно, с уверенностью,
что не оставит в покое высшие силы
и усердно продолжит
спасать и обнимать скатившиеся с
храма веры
и потерянные камни по ту и эту сторону
его ограды...

Сегодня,
здесь,
в громогласной тишине,
я или ты, или,
быть может, он,
то есть мы все,
по крупницам познавшие его любовь,
как луч восходящего солнца,
проникающий и падающий через оконце
на алтарь веры...

Благодарим тебя...
Агулисци Армен...
(Пер. Л. Мовсисян)

Анаит Саргсян
Ереван, 27 февраля, 2009 г.

8 марта 2009 г. Его Святейшество Верховный Патриарх и Католикос Всех Армян Гарегин II отслужил заупокойную службу в Кафедральном соборе Эчмиадзина в память об Армене Ахназаряне.

В Лос-Анджелесе, Тегеране и Кёльне также отслужили панихиду и провели мероприятия, посвященные его памяти.

Праха покойного, согласно его воле, был разделен на две части. Одна часть похоронена в Аахене, а другая часть, вопреки заранее данному согласию Католикоса Всех армян Гарегина II похоронить во дворе монас-

17 апреля 2009 г. прах Армена Ахназаряна был предан земле на кладбище села Арташаван

тыря Сагмосаванк, 17 апреля 2009 г. в присутствии жены и дочерей была предана земле на кладбище села Арташаван, так как за несколько дней до смерти Ахназарян высказал свою озабоченность жене: "Не желаю, чтобы из-за меня во дворе Сагмосаванка появились новые могилы".

18 апреля 2009 г. в Сагмосаванке отслужили панихиду, посвященную памяти Армена Ахназаряна.

Слушать Армена было величайшим наслаждением. Когда он заканчивал свой рассказ, каждый раз мы его спрашивали: "Записал его?".

Ответ в большинстве случаев был тот же: "Может, когда-нибудь запишу".

Много драгоценных воспоминаний так и остались только в нашей памяти. Тем не менее, ниже мы приводим два из его воспоминаний, одно из которых он передал близким (оно все еще не издано) а другое было напечатано в 1997 г. в третьем номере ежемесячного журнала "Гарун". В этих сочинениях-мемуарах читатель может выявить для себя образ армянина Армена Ахназаряна, человека с чутким сердцем, полным переживаниями,

посвятившего всю свою жизнь Родине и сохранению памятников армянской культуры.

В монастыре Путку

Нас четверо. Шагаем друг за другом. Спускаемся вниз, доходим до полноводной реки, затем по узкой тропинке вновь поднимаемся по склону горы наверх. Я потерял чувство времени, взамен чувствую вновь пробудившееся ощущение жжения в левой ноге.

Мои мысли убегают от настоящего, и я с удовольствием представляю сельджукскую баню (хамам) в Муше и испытываю наслаждение. Уже 18 или 19 дней, как мы шагаем по ущельям Мокса и Шатаха, а с наступлением ночи находим пристанище в доме курда—гостеприимного сельского старосты. Эти неповторимые и беспрецедентные дни для меня являются неиссякаемыми, как море, переживаниями. Но сейчас я думаю, когда же я дойду до спасительной горячей воды, влажного воздуха бани и смою толстый слой пыли, пот и, особенно, освобожусь от мелких тварей, коих называют тлями и клопами...

Я в той стране, история которой тысячелетия назад начиналась с наших дедов, чья слишком суровая и горная природа сотворила жизнь наших дедов, которые сажали деревья, строили дома, благоустраивали села, возводили церкви и спрятанные в скалах монастыри, общались с Богом.

И сегодня те же белоснежные горы, те же ущелья и журчание воды, символизирующей вечное течение жизни, те же вековые орешники в рощах, но—без прежних хозяев. Теперешние жители бывших когда-то армянскими сел Мокс и Шатах—курды, а церкви и монастыри либо разрушены, либо превращены в хлевы.

Мы шагаем вверх по ущелью против течения полноводного и шумного потока. Местами журчание воды сливается с курлыканием куропадок—песней, оживляющей камни. Я последний в ряду шагающих, с моей шеи и плеч висят фотоаппараты, при помощи которых я стараюсь запечатлеть незнакомую мне, но в то же время до мозга костей родную среду, с желанием увековечить внутри себя хотя бы ее кусочек.

Увлеченный природой, замечаю, что остальные остановились и смотрят по направлению какой-то расщелины. Подхожу к ним и тоже застываю на месте от удивления и восхищения. Из находящейся в глубине громадной пещеры темной расщелины бесшумно и таинственно течет полноводная река, которая, дойдя до края скалы, восстает и падает вниз, пенясь, давая начало знаменитой реке Тигр...Теперь я знаю: стою у истока реки Тигр.

Мы отошли от реки, поднимаясь в горы, и только тонкие ручейки пересекают зеленую гладь плоскогорья.

Сзади слышен собачий лай, и вскоре видны какие-то постройки, окруженные деревьями. Мы в монастыре Сурб Геворг (Св. Георгия) в Моксе, который теперь курды называют "Ханепутик", а турки—"Хороз килиса". Это название происходит от находящегося на монастырской стене рельефного изображения петуха.

Во время организованной правительством султана Абдул-Гамида резни 1895 и 1896 гг., когда погибли сотни и тысячи людей, бек Мокса—курд Муртулла, вопреки указу турецкого государства и давлению со стороны заинтересованных в грабежах диких соплеменников, взял под свое покровительство и спас от гибели армянское крестьянство всего района. И сегодня наш гостеприимный хозяин—вождь племени, правнук Муртуллы, бек Ализ Орхан. Невысокий, но внушающий почтение юноша, всегда с ружьем на плече.

На земле разостлана разноцветная скатерть, и на ней большой медный поднос с пшеничной похлебкой. Мы—я и мой немецкий друг, два иностранных гостя, сидим вместе с мужчинами дома, по-турецки. Они протягивают руки к еде, но их глаза устремлены на меня. Я ем мацони с ячменным хлебом и чувствую на себе вопрошающие и подозрительные взгляды. Кто я, что ищу в этих местах?...

Под предлогом умыться, я оставляю их, выхожу и сажусь на берегу ручья, недалеко от монастыря, упиваясь предзакатной тишиной. Вдруг слышу осторожные шаги. Бабушка-курдянка подходит ко мне, долго и молча смотрит на меня, затем начинает говорить, что-то рассказывая. Жаль, что я не понимаю сказанного ею, но она продолжает рассказывать. Иногда поворачивается по направлению к монастырю и что-то показывает. Может, сделанную над входом надпись 1887 г. на армянском языке. Затем рукой указывает на ущелье, о чем-то меня спрашивает и, не получив ответа, снова продолжает рассказывать. Руки дрожат, в голосе слышно волнение. Часто слышу слово "дейр", что означает "монастырь", раза два—"Эрмен"...Она дочь бека—защитника армян, бабушка Ислама Яшара, который со своим другом вот уже 20 дней сопровождает нас по ущельям Шатаха и Мокса. В этой дикой среде горцев она отличается своей, можно сказать, благородной осанкой.

Я устал и, несмотря на мои бурные и противоречивые мысли, сон одолел меня. До восхода солнца мы уже на ногах и готовимся после чаепития обмерить и сфотографировать монастырь и в тот же день вернуться в Ван. Последней обмеряем часовню, превращенную в тондыр. Девушки и женщины удивленно следят за нами своими сверкающими глазами и протягивают нам горячий лаваш.

Перед уходом, когда я укладываю свой рюкзак, а другие заняты погрузкой на мулов свежего сыра, ко мне подходит ханум и протягивает чисто вымытую медную тарелку. Во время завтрака в нее были налиты свежие сливки, и я старался украдкой очистить хлебом находящиеся по краям армянские буквы и прочесть... Она это заметила.

Во время расставания мужчины смотрели вопросительно и с подозрением, а старая бабушка улыбалась.

Дверь

1975 г., Тегеран. Приближается конец года, приближаются праздничные дни, и стопкой укладываются присланные поздравительные открытки, украшенные богатым тиснением. Среди них одна открытка с единственной строкой и подписью, написанная от руки. В современном мире—вид отношений, повторяющееся раз в году напоминание: "Тебя еще не забыли..."

Но есть исключения, например, вот этот конверт из Полиса (*Прим. пер.*—принятое у армян название Стамбула) с маркой, на которой портрет Ататюрка.

Открываю конверт. Две машинописные страницы на тонкой бумаге и сложенные в нее два маленьких черно-белых снимка.

Письмо за подписью госпожи Рихтер. Она рассказывает о живущем по соседству, находящемся в отставке высокопоставленном военном, который вместе с сыном часто охотится в лесистых горах Сасуна. Этот военный, генерал Или Саид, знаком с местностью еще со времен своей службы и имеет связи в селах. В том году староста села Тенкит (Тнгет) отправил ему весточку: "В этих краях с Малато-дага (горы Марута) появился огромный медведь, постоянно наносящий ущерб нашему селу. Бей, мы ждем тебя, избавь нас от этого зла."

Отец и сын отправились туда, но с опозданием. В районе Муша началась зимняя непогода, они затерялись в снегах, потеряли дорогу и с трудом добрались до первого села Иргит (Эркерт).

Проведя несколько дней в доме старосты, после того, как буран прекратился, они вывели машину на автотрассу, толкая с помощью людей и мулов, и вернулись в город.

Четыре дня они провели в доме старосты села, вкушая хлеб из тондыра и наслаждаясь теплом вызывающего сон курси (*Примеч. пер.*—большой стул с квадратной поверхностью, под которым ставят заполненный горящими углями глиняный сосуд и сверху покрывают одеялом), следя из отверстия в стене за непрерывно падающими снежинками, а всю ночь до рассвета чесались, безнадежно борясь со вшами... На третий день после нескольких намеков староста расхрабрился и, доверяя городским гостям, проводил к сеновалу, примыкающему к хлеву, где под соломой была спрятана "эски малын" (старая вещь)—дверь. "Бей, что делать, капы (дверь) тяжелая и большая, везти ее в Стамбул и продавать опасно. Жандармы на дорогах часто допрашивают, а увидев предмет старины, обижают. Мой брат—на базаре в Сивасе, а мой другой сын—в Стамбуле. Думаем, что можно распилить ее по линии узоров, разобрать на части и продать иностранным туристам. Что вы посоветуете? Мы очень бедны и нуждаемся в деньгах."

Отец и сын переглянулись.

Духстворчатая, с черным переливом дверь с ее рельефами в полумраке сеновала выглядела таинственно.

"Знаете, ага,- наконец заговорил сын военного тихим голосом,- в Стамбуле наши соседи—немцы, и в доме у них есть много старинных вещей. Прежде чем разделить ее на части, давайте сфотографируем и покажем, может им понравится, и они ее купят." "Подождите, пока не трогайте, цена упадет",- добавил отец.

"Хорошо, если цена упадет, тогда не тронем, будем ждать от вас вестей, бей",- сказал хозяин и снова прикрыл дверь соломой.

"Итак, господин Ахназарян, посылаем сделанные нашим соседом снимки. За эту дверь для курдов желаемая цена примерно 5000 марок. Как вы думаете? Нам кажется, что цена слишком высока."

Духстворчатая дверь, несомненно, принадлежала армянской церкви, и хотя снимки маленькие и некачественные, тем не менее, на одном из них видны вырезанные буквы, которые невозможно прочесть. Читаю письмо, время от времени склоняясь с лупой к снимкам. Охваченный внезапным возбуждением, в тот же день отвечаю запиской в две

строчки: "Дверь армянская. Перевезите ее как-нибудь из Мушского района в Полис. Жду от вас вестей."

Вопросов много. Какой церкви принадлежит дверь и каким годом датируется? Ясно, что дверь не принадлежит обыкновенной сельской церкви.

В апреле получаю отправленный господином Рихтером пакет с томом, посвященным сооружениям архитектора Синана. Перелистываю книгу об этом архитекторе—армянине по происхождению, между первых страниц нахожу ничего не говорящую пасхальную открытку, между строк которой скрыто очень важное слово—Ченгилли...

Перечитываю вновь и вновь, мне не верится, что дверь принадлежит Ченгилли, откуда она снята и перевезена. Не могу просто поверить! Название Ченгилли будит во мне неповторимые переживания, море воспоминаний, которые связаны с путешествиями, совершаемыми мною многие годы в Западную Армению—путешествиями по следам нашей архитектуры с целью спасти хотя бы осколки от невосполнимых потерь: хоть одно изображение, обмер хотя бы одной часовни. И снова мысленно шагаю по дорогам прошлого, останавливаюсь на краю ущелья, чтобы перевести дух и чувствую в себе пропасть отчаяния. В мае 1976 года получаю из Полиса еще одну открытку от Рихтера: "Прервите свое последующее путешествие по Европе в Стамбуле и будьте несколько дней нашим гостем. Весна на Босфоре неповторима." Акцент был сделан на слове "неповторима."

В аэропорту Ешилкёй, находящемся в получасе езды от города, меня встретил господин Рихтер. Вошедшее в историю армянского народа греческое село Сан-Стефано ныне переименовано в Ешилкёй. Название (Сан-Стефано), которое непосредственно связано с историей Хримяна Айрика о половнике, и истина выставленного на аукцион армянского вопроса: 16-ая статья, которая в Берлине стала статьей 61. Мы оба знаем суть проблемы и цель моего приезда, однако всю дорогу от аэропорта едем в машине без всяких намеков; я жду, когда он начнет разговор. Доезжаем до его трехэтажного дома на берегу Босфора. При входе в гостиную со скрытым нетерпением осматриваюсь, замечая множество старинных вещей, но ничего необычного нет. Меня провожают в гостиную, где я оставляю свой чемодан и спускаюсь пить чай.

Сидим на балконе, стаканы уже пусты, закончились и исходящие из правил вежливости вопросы и ответы. Господин Рихтер медленно встает с места и таинственным тихим голосом говорит: "Пойдем." Открывает дверь и приглашает зайти внутрь. Маленькая спальня с высокими белыми стенами, деревянным полом, постель застелена белым, один стул, на стене крест и что-то прислоненное к стене, покрытое белой простыней. Он закрывает дверь, медленно и бесшумно убирает и складывает простыню. Передо мной на ощутимом расстоянии деревянная, с черным отливом, двухстворчатая дверь. Для меня это чудо. Спасенная от резни крупица утраченной культуры.

Створки двери с четырех сторон обрамлены поясом с геометрическим орнаментом, за которым следует более широкий пояс с растительным орнаментом. Поверхность двери разделена этими же поясами на четыре части, нижние и две верхние—квадратные, а вторая—более узкая и четырехугольная. Упомянутые восемь частей обрамлены поясом с витым узором. На обеих створках в шести квадратах вырезаны сложные и красивые орнаменты. С правой стороны—геометрические, с левой—растительные.

Находящиеся в центре створок квадраты выделяются своим круглым цветочным узором: в углах два ангела, птицы и животные. Все это напоминает символ вечности, высеченный внизу креста хачкаров. Но украшением двери являются вырезанные в рост апостолы и евангелисты в двух четырехугольниках. В левом четырехугольнике—семь святых, из которых пять схожи меж собой, а двое—поменьше, один из них представляет сцену Крещения Христа, с изображением символа Святого Духа над головой. В правом четырехугольнике—четверо апостолов, отделенные друг от друга маленькими колоннами: Петр с ключом в руке, а Павел—с мечом.

К прекрасным рельефам, излучающим аромат истории, добавляется надпись на армянском, находящаяся в верхней и нижней части створок, большей частью ясно читаемая. Полностью сломан замок двери, весь пробитый пулями. В верхней и нижней части двери есть грубые следы повреждений от гвоздей.

Надписи:

В верхней части правой створки: ՇԻՆԵՅԱԼ ԴՈՒՌՍ ԱՐ ԿԱՐՊ...ԻՍ ՉԵՆՍԱՐ ՊԱՐՈՆՍ ԱՐԿՈՍԻ

Пер.: СДЕЛАЛ ДВЕРЬ СУРЬ КАРП...А РУКАМИ ПАРОНА МАРКОСА

В нижней части правой створки: ԻԹՎ. Հ.: ՉԿԱ (1312).... ՇԱՍԱԿԻԻՐԵԻ... ԾՆՈՂԱՅ ԻԻՐՈՅ

Пер.: В 1312 Г. АРМЯНСКОГО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЯ...СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

В верхней части левой створки: ԵՒ ՈՐԴՈՒ ՆՈՐԱ ՊԱՐ(Ն)ՈՆ ՍԻՐԱՊԵՏ ԱՒ ԱՍՋԱՏԻՑ...

Пер.: И СЫНУ ЕГО ПАРОН МИРАПЕТ...

В нижней части левой створки: ԵՍ ՍԱՐԵՊԻՈՆ ՈՐ ԿԱՉՍԵՅԻ...

Пер.: Я—САРЕПИОН, КОТОРЫЙ ВЫРЕЗАЛ...

Я быстро ее записываю, встаю на ноги и прячу бумагу в карман. Он снова закрывает дверь простыней. Спускаемся вниз. Ужин готов. Служанка бежит взад и вперед, мы кушаем, казалось бы, вкусную еду, но мысли витают в другом месте, единственная тема для беседы—дверь. "Стало быть, я вам расскажу",— поднеся салфетку ко рту, начинает беседу господин Рихтер.— "Не можете себе представить, с каким трудом, спрятав под домашним скарбом, дверь доставили из села в город, и ночью, не через дверь, а со стороны сада, где ремонтировалась стена, с трудом занесли в дом. Знаете, наш другой сосед—редактор газеты "Хюрриет", надо быть очень осторожным, понятно?"

"Хорошо, пока все благополучно, но вопрос, можно ли хранить ее в нашем доме. Это может быть опасно и для нас. Это предмет старины и, как таковой, он считается национальным достоянием, а вывоз из страны запрещен." Когда я намекнул о передаче денежной суммы, после недолгого молчания госпожа Рихтер сказала: "Знаете, мы с любовью заплатили за нее, пусть все останется по-прежнему, пока она у нас и мы любим ее, а если удастся с вашей помощью вывезти ее из страны, тогда дело ваше, мы что-нибудь придумаем."

Было уже поздно, когда я поднялся в свою комнату, но сон не шел. Я вышел на балкон и сел. Вдали были видны залитые лунным светом очертания рыбацких лодок, было тихо, едва был слышен тихий плеск волн. Во мне бушевала буря. События дня и переживания прошлого толкались, перемешивались друг с другом, и возникали новые вопросы, мучая меня. Сегодня в Турции местечко Ченгилли (на курдском—"в виде колокола")—это знаменитый монастырь Сурб Карапет (Св. Иоанна Предтечи)...

Монастырь Сурб Карапет находится в 35 км к северо-востоку от города Муш. Помню, до восхода солнца мы вышли из Муша в сторону севера: после села Гарнен (Карнеи) пересекли реку Меграгет (Карасу), с другой стороны прошли через село Хопер (Опер), повернули на запад и прошли через села Гомс (Кюмус), Палас, Том (Дом), Зиарет (Циарет), бывшие некогда армянскими, а теперь населенные курдами. После двухдневных продолжительных дождей грунтовая дорога часто была труднопроходимой. По ошибке мы дошли до Дерсима, а оттуда с опозданием, наконец, в Сордар. Оставили машину с товаром возле чайной мейдана, выпили чая и, когда решили подняться на гору Каркэ к монастырю Сурб Карапет, наш провожатый курд стал убеждать нас, чтобы мы не ходили туда, говоря: "Живущие в Ченгилли курды—дикари, не похожи на нас..." Поднимаемся по узкой дороге у подножия горы, с одной стороны—голые скалы, с другой—ущелья и покрытые каштановыми и ореховыми деревьями овраги. Часами поднимаемся по следам огарков свечей, повсюду ставшие священными камни. На самом вершине плоскогорья—разрушенная крепость Мушега Мамиконяна, с другой стороны, на противоположной скале—"камень Ахдзканц." Чем выше поднимаемся, тем чаще проходим через платановые рощи. Платан—символ языческой Армении. Армяне шли на поле битвы, держа флаги с изображением платана. Платану Гохтна 2600 лет, и, согласно преданию, под его сенью Месроп Маштоц создал армянские буквы. Вообще, армянские монастыри скрыты за горами, в ущельях. Сурб Карапет находится на вершине горы, настолько высоко, что приближается к Богу, и виден с четырех сторон...

Глакаванк. Монастырь Иннакнян. Мшо Султан Сурб Карапет. Под такими названиями известна одна из древнейших святынь армянской веры, которая является второй по значимости после Эчмиадзина. Как и многие древние христианские церкви, эта построена на месте разрушенного языческого храма. Здесь было капище с идолами Гисанэ и Димитрэ, который разрушил Григор Лусаворич (Григорий Просветитель), основав здесь этот монастырь и захоронив мощи Св. Иоанна Крестителя и епископа Атанагинэ.

Первым игуменом монастыря был Зеноб Глак, соратник Григора Лусаворича, его именем монастырь был назван Глакаванк ("монастырь Глака"). Возле монастыря есть множество вечно струящихся родников, из коих самый известный находится недалеко к северу от монастыря—источник Аваг ("Главный"), затем родник Лусаворича, Бареам ("Вкусная вода") и Аканакит ("Чистая вода")—девять текущих рядом родников, давших название монастырю—Иннакнян ("Девять родников"). За свою историю монастырь много раз разрушался и вновь восстанавливался. В VII веке, после землетрясения, монастырь был разрушен до основания, после чего была построена его главная церковь—Сурб Степанос. По указу Григора Магистроса Пахлавуни в XI веке в монастыре был построен дворец, который, однако, сгорел в 1058 г. вместе с деревянной церковью Сурб Григор (Св. Григория). В 1750 г. во время турецко-персидских войн монастырь был ограблен, а церковь сгорела. В середине XVIII века во время национально-освободительной борьбы монастырь под руководством игумена Овнана стал важным политическим центром. Землетрясение 1784 г.

вновь разрушило церковь. Разные части монастыря были основательно восстановлены в 1788 г.: был расширен притвор, отремонтированы колокольня, кельи монахов, скрипторий, монастырские стены и т.д. Монастырский комплекс состоял из монастыря и церкви, которые были окружены высокими стенами. Двухэтажные комнаты монахов отделялись от комнат паломников стенами. Комплекс включал, также, книгохранилище, трапезную, хозяйственный отдел и т.д. Церковь квадратного плана представляла собой единое целое. Она имела 16-колонный зал, а с запада в 1782 г. была построена колокольня-притвор, в восточной части церкви находились следующие друг за другом 4 церкви-мартирии: в центре—две церкви с куполами, а две другие—однонефные базилики. В западной части церкви—возвышающаяся на 8 мраморных колоннах колокольня, которая веками своим благозвучным звоном оглашала широкое поле Муша, орошаемое священными водами Арацани. Мшо Султан Сурб Карапет был самым любимым местом паломничества для армян, во время Вардавара и праздника Пресвятой Богородицы к этому святому месту шли караваны паломников из самых отдаленных концов страны, проходили большие народные празднества во дворе монастыря и вокруг него: конные состязания, игры, песни и пляски, соревнования гусанов. Так как монастырь славился чудодейственной силой исцеления, тяжелобольные приезжали сюда и, выздоровев, возвращались домой. Затем начиналась "Трапеза". Приносили в жертву одного из монастырских волов, готовили еду в огромных котлах, и каждый, начиная с рамика до ишхана, съедали по тарелке, и в этот день в Божьем доме все были равны. Прекрасная традиция, символизирующая равенство. Когда я писал эти строки, то вспомнил пошлую картину, увиденную во время паломничества в монастыре Сурб Тадеос Аракял (Св. Апостола Фаддея), когда смысл жертвоприношения ограничивался только закалыванием животного.

В течение веков монастырь Сурб Карапет был центром науки и книгописания, источником духовной силы армян, и, будучи таковым, часто являлся мишенью для врагов. В 1822 г. монастырь вновь подвергся нападению, был ограблен, было уничтожено множество ценных рукописей. В 1863 г. духовным пастырем монастыря был назначен Хримян Айрик. Он перевез типографию из Варагаванка (монастыря Вараг) в монастырь Сурб Карапет и вместе со своим учеником Гарегинном архиеп. Срвандзтяном начал выпускать журнал "Арцвик Тароний" ("Орел Тарона"). Перед Первой мировой войной этот монастырь был крупным духовным и национальным очагом Западной Армении. Здесь действовала школа-интернат "Жарангаворац", имеющая 80 учеников. Основателями школ во многих населенных пунктах Западной Армении были выпускники этой школы.

Во время Геноцида 1915 г. огромное число подвергнувшихся гонениям армян нашло пристанище в монастыре и в окружающих селах. Регулярное турецкое войско и разбойничьи банды курдов напали на монастырь и окружили его, но встретили сопротивление, длившееся около двух месяцев. За это время последний настоятель монастыря вардапет Вардан с двумя соратниками успел спрятать в трех тайниках монастырские рукописи и ценные вещи. Турецкое войско с помощью пушек обстреляло монастырь, в нескольких местах разрушило стены и ворвалось туда с целью наживы. Была ужасная резня, очень малая часть осажденных сумела спастись, и лишь несколькими удалось добраться до Восточной Армении. Среди них был учитель монастыря Акоп Даниелян, единственный живой свидетель, знавший местонахождение спрятанных рукописей. Человек, который даже ценой спасения жены и двух детей не выдал тайник. В 1916 г., когда находящиеся в составе русских войск передовые отряды добровольцев-армян захватили Муш, Акоп Даниелян вместе с членами специальной комиссии, назначенной католикосом, приехали в Муш с целью перевозки спрятанных богатств монастыря Сурб Карапет. Турки уже разрушили места предполагаемых тайников, взорвали три купола монастыря, нашли и ограбили два тайника. К счастью, часть самых ценных рукописей и предметов находилась в третьем тайнике, который турки не обнаружили. 1750 ценных рукописей, среди которых "Евангелие царя Гетума", позолоченная десница Христа, а также монастырская казна были перевезены в Эчмиадзин и этим спасены.

Мы шагаем уже около трех часов, кажется, что скоро дойдем. Со всех сторон, журча, бегут ручейки. Не знаю, который из них откуда. Предполагаю, что вот этот, текущий по западной стороне склона, из родника Лусаворича, воды которого из-под двух арок впадают в каменную купель царя Трдата, в котором Григор Лусаворич крестил многих. Вот другой родник с правой стороны дороги. Припав коленями, пьем воду. Наверно, это источник Бареама ("Вкусной воды"), действительно, вода вкусная, невозможно насладиться...

Проходим мимо бесчисленных разрытых и разрушенных могил, кто знает, может это разрушенные могильные плиты Смбаца Спарапета и его сына—Гайла ("Волка") Ваана Мамиконяна. Доходим до находящегося на вершине горы монастыря Сурб Карапет: сегодня—это груда развалин. Камень есть камень, но когда его обтесывают, шлифуют, ваяют,

начинает говорить, рассказывать, даже петь или жаловаться, но когда его ломают, плачет. Обескураженные, стоим у порога разрушенного памятника с ноющей болью в сердце: не знаем, с чего начать, что фотографировать, что обмерять. Несколько камней со свистом пролетают мимо, заставив нас очнуться и напомнив, где мы. За нами постоянно из-за развалин следят с подозрением хмурые глаза: что мы фотографируем, куда идем, что ищем?

Повсюду разбросаны разбитые камни с резьбой, с надписями, остатки толстых полуколонн. Напротив, в груде развалин, какое-то отверстие. С трудом протискиваюсь в темный проем, по-видимому, это часовня с проникающим туда лучом света. Везде следы кладоискателей, разрытые ямы и, о удивление, стены языческих времен, неопровержимое доказательство того, что здесь было капище. В другом месте—глиняные извилистые трубы. Может быть, это уникальный образец внутреннего отопления для подачи горячей воды и пара? Монастырь, находящийся на высоте 2200 м над уровнем моря, в студеные зимние месяцы нуждался в средствах защиты от холода.

Я почувствовал запах тондыра, свежееиспеченного хлеба. Курдянка со страдальческим лицом улыбается, протягивая горячий лаваш. С благодарностью беру и чувствую, что проголодался. Протягиваю деньги. Она не берет и что-то говорит. Я ем ароматный лаваш и продолжаю фотографировать. Постепенно тень от камней удлиняется, приближается вечер, а вдаль, внизу, сквозь туман долины Муша серебрится извилистая река Арацани. Готовимся к спуску. Снова пьем воду из источника Бареам. Обстановка спокойная, не слышно ни звука, повсюду запустение, есть только превращенный в кладбище огромный монастырь, обьятый гробовой тишиной. Только тишиной можно заполнить эти бесчисленные ямы.

Спускаемся той же дорогой, еще светло, но на небе уже видна бледная луна. Мы молчим. Думаю, что не может быть счастлива та земля, в которой захоронена история стольких жертв, несправедливости, и что может еще долгое время этот вопрос будет нашей проблемой, а земля—принадлежать неродившимся.

Первый бледный луч рассвета отрезвляет меня. Встаю с места. Я должен собрать чемодан и отправиться в аэропорт. Я успокоился: где-то вдаль вижу тонкий луч надежды. Через две недели в Тегеране обо всем увиденном и услышанном рассказываю отцу и прошу его посодействовать, написать письмо доктору Цинзеру с просьбой дать совет по одному вопросу. Доктор Цинзер был атташе по вопросам культуры при немецком посольстве: каждый вечер по четвергам долгие годы он приходил к отцу брать уроки грабара и часто оставался ужинать. Уже несколько лет в связи с повышением в должности он был переведен в Турцию, в Анкару. Я чувствовал, что отец колеблется, с трудом соглашаясь написать ему. Наконец, он написал, и ответ прибыл незамедлительно. Доктор Цинзер приглашал меня в Анкару и обещал помочь. Безусловно, он не знал моей просьбы. В сентябре того же года я планировал научную экспедицию в Киликию по следам армянских крепостей, и представлялся удобный случай заехать в Анкару. В назначенный день доктор Цинзер был в аэропорту, и спустя некоторое время мы уже были в его великолепном доме, окруженном огромным садом. Я в деталях рассказал ему историю монастыря Сурб Карапет и двери одной из церквей. Он слушал меня, не перебивая, но в конце, когда я осторожно подошел к сути моего прошения, догадавшись, перебил меня и категорически отказался, сказав, что это невозможно, что это—контрабанда. Я потерял последнюю надежду. Мне стало грустно, но я ничего не мог поделать. На следующий день, согласно предварительному плану, я встретился с двумя приехавшими из Германии архитекторами, и мы вместе отправились в Адану.

Спустя месяцы, в отправленном из Вены длинном письме господин Рихтер уведомлял, что во время одной поездки в Полис доктор Цинзер позвонил ему и выразил желание увидеть дверь. Он писал, что доктор Цинзер долго смотрел на дверь и, не задав ни одного вопроса, сказал: "Хорошо, найдем какой-нибудь выход".

Обрадовавшись, тотчас отвечаю на это письмо, думая, что появилась слабая надежда, и, быть может, похищенная дверь уже возвращается домой. Письмо остается без ответа. Через несколько месяцев отправляю еще одно письмо. Оно тоже остается без ответа. Это молчание необычно. Предчувствую что-то нехорошее. Через год, совершенно неожиданно, получаю лаконичное послание. Госпожа Рихтер сообщает о том, что ее муж скончался, и она переехала в Германию в пригород Мюнхена, а в конце кратко сообщает, что дверь находится в Германии.

Отправляюсь в Мюнхен и встречаюсь с госпожой Рихтер в ее маленькой квартире. Я вижу, что она очень изменилась и была подавлена. Вытирая глаза, рассказывает, перебивая себя: "Господин Цинзер нам, действительно, очень помог. С большим трудом мой муж доставил дверь в Анкару, откуда господин Цинзер, будучи высокопоставленным чи-

новником посольства, вместе с личными вещами смог переправить в Германию, и сейчас она находится в одной из мастерских Франкфурта."

Госпожа Рихтер продолжает рассказывать: "Помните, в Полисе у нас дома работала служанка. Мы давно заметили, что в доме пропадают вещи. Это продолжалось долго, но нам удалось доказать, что она нечиста на руку, и мы ее выгнали. Прошло несколько дней, и совершенно неожиданно в дом ворвались четверо полицейских и, не объясняя, арестовали нас, повезли в тюрьму, а наше имущество было конфисковано, так как нас обвинили в том, что мы занимались куплей и продажей старинных и запрещенных вещей. Стало понятно, что слова турчанки для них весомее, чем сорокалетнее служение стране, где мой муж считался добропорядочным человеком. Конечно, мы любили и коллекционировали старинные вещи, в основном, византийские иконы, которых было много на стенах нашей гостиной, но не в целях продажи. К счастью, за несколько дней до этого события дверь была вывезена и отправлена в Европу."

Госпожа Рихтер продолжает: "У моего мужа в тюрьме случились два сердечных приступа, и он скончался по дороге в больницу. Меня выпустили из тюрьмы, но заставили покинуть страну, имея в руках только две сумки." Рассказывает и, вытирая глаза, добавляет: "Вынуждена продать дверь, но не знаю, по какой цене." Эта встреча дала мне новую надежду и переживания.

С этого дня прошли годы, но я всегда искал того, кто купит дверь и перевезет ее туда, где ее настоящее пристанище—в Армению. Одно время этим заинтересовался один близкий и родной мне человек, но помешало неверное посредничество одного консультанта, которое сбilo нас с прямой цели, и годами последовательно проводившееся дело потерпело неудачу.

В прошлом году, осенью 1996 г., этот кусок армянской истории был выставлен на аукционе в Лондоне, и с ударом молотка дверь монастыря Мшо Султан Сурб Карапет была продана неизвестному чужаку. По телефону слышу расстроенный голос Месропа архиеп. Ашчяна: "Я очень огорчен, Армен, я предупредил наших, они были там, но ничего не сделали. Дверь купил не армянин, не знаем, кто..."

Трудно закрыть глаза души и не видеть, не слышать, не помнить, если память каждого народа—это духовная нить, которой сшито его моральное одеяние. Дверь, открывающаяся к истокам нашей духовной культуры, осталась для нас закрытой и с аукциона ушла на чужбину, унеся с собой связанную с монастырем Мшо Султан Сурб Карапет один ценный пласт нашей культуры и истории.

Я написал и закончил мою историю о двери. Смотрю из окна: после дождя светит яркое солнце, небо чистое и голубое, но мне стыдно смотреть в небо...

Армен Ахназарян

Вместо эпилога

В своей истории Армен Ахназарян с щемящим сердцем признается, что ему стыдно смотреть в небо...кто знаком с Арменом Ахназаряном, поймет, почему этот великий армянский архитектор и поборник церковной архитектуры, путник, знавший как свои пять пальцев всю Западную Армению, Киликию, Кельбаджар, художник-фотограф, востребованный в университетах Германии мастер градостроительства, не может поднять глаза в небо, он стыдится, стыдится как армянин, стыдится как человек искусства, стыдится просто как человек.

Почти на его глазах, 15 октября, в зале продаж на аукционе Кристис в Лондоне одним ударом молотка аукциониста вновь пала на землю главная дверь собора Мшо Султан Сурб Карапет, которая 70 лет была сохранена в Муше, тайно прожила в Полисе и Франкфурте, чтоб однажды, как раба, быть проданной в Англии.

Скорбим по поводу превращения церкви в Якутие в мечеть: обвиняем друг друга, ищем виноватых от Парижа до Лос-Анджелеса. Кто будет скорбеть по нам, что не смогли стать хозяевами двери монастыря Чангли Сурб Карапет—нашей самой выдающейся святыни, которая пропала бесследно за 50.000 долларов в частной коллекции неармянина, вместо того, чтобы стать украшением нового музея в Антилиасе или возвратиться и занять достойное место вместе с находящейся в объятиях своего народа дверью монастыря Сурб Аракелоц (Св. Апостолов) в Муше в Ереванском государственном музее. Из-за этого Армен не может смотреть в небо. Многие из нас столь же должны стыдиться и не поднимать глаза в небо.

архиеп. Месроп Ашчян

№ 1

ЯНВАРЬ - ИЮНЬ

2010

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
САМВЕЛ КАРАПЕТЯН

РЕДАКЦИЯ
ЭММА АБРААМЯН
РЕДАКТОР

АСМИК ОГАНЕСЯН
РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР

ДИАНА ГРИГОРЯН
ПЕРЕВОДЧИЦА

ЛЮСИ АВЕТИСЯН
КОРРЕКТОР

АРМЕН ГЕВОРКЯН,
ЛИАНА ОГАНЕСЯН-КОРТОШЯН
КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИЗАЙН

<http://www.armenianarchitecture.am>

<http://www.raa.am>

✉ raayer@sci.am

☎ 010 52 15 25

ЕРЕВАН, УЛ. БАГРАМЯНА 24В

© ОРГАНИЗАЦИЯ - ПО ИЗУЧЕНИЮ
АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԵՄՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՂ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՈՒԹՅՈՒՆ
ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

ԵՐԵՎԱՆ - ԵՐԵՎԱՆ
2010

